

*В. Г. Рохмистров**

ПРАВДА ЕСТЬ ПРЕДДВЕРИЕ НЕБА. ЭССЕ О КОНСТАНТИНЕ ДМИТРИЕВИЧЕ КУДРЯВЦЕВЕ

О Константине Дмитриевиче Кудрявцеве, активно участвовавшем в Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. в Петербурге и председательствовавшем на одном из заседаний Петербургского Религиозно-философского общества 1907–1917 гг., в подробных комментариях к стенограммам нет практически никакой информации. В статье предлагается первая попытка из собранных по крупицам мимолетных упоминаний представить трагически погибшего в 1919 г. человека, самоотверженно искавшего в этот непростой для России период путь истины.

Ключевые слова: Религиозно-философские собрания, Религиозно-философское общество, Церковь, государство, теософия.

V. G. Rokhmistrov
THE TRUTH IS THE SKY'S THRESHOLD
Essay about Konstantin Dmitrievich Kudryavtsev

There is practically no information in the detailed comments on the transcripts about Konstantin Dmitrievich Kudryavtsev, who actively participated in the Religious and Philosophical Meetings of 1901–1903 in Petersburg and presiding at one of the meetings of the Petersburg Religious and Philosophical Society of 1907–1917. The article proposes the first attempt from the fleeting mentions collected bit by bit to present the tragically lost person in 1919, who selflessly sought the path of truth in this difficult period for Russia.

Keywords: Religious and philosophical gatherings, Religious and philosophical society, Church, state, theosophy.

О Константине Дмитриевиче Кудрявцеве сейчас практически ничего не известно, а между тем в начале XX столетия он был весьма активным религиозно-философским деятелем и даже председательствовал в собраниях Петербургского религиозно-философского общества. В комментариях Кри-

* Рохмистров Владимир Геннадьевич, переводчик, автор книг по религии, истории, философии, Действительный член МОО «Платоновское философское общество».

Константин Дмитриевич Кудрявцев
(архивная фотография)

волаповой к дневнику секретаря Петербургского религиозно-философского общества Сергея Платоновича Каблукова за 1909 г. он представлен как «секретарь Теософского общества, зав. редакцией «Известий Санкт-Петербургской Государственной Думы»» [5, с. 340]. Согласно списку Действительных членов Религиозно-философского общества, приведенному в Приложении к Материалам общества, известен домашний адрес Кудрявцева К. Д. в Петербурге:

Бассейная ул., д. 16, кв. 19 [14, т. 3, с. 251]. Сообщается также, что он участвовал как минимум в двух заседаниях: 24 ноября 1909 г., основой которого был доклад А. А. Каменской «Теософия и богостроительство» (доклад и стенограмма заседания опубликованы: [3]) и 14 февраля 1910 г. (секционное); его основой был доклад Д. В. Страндена «Забятая сторона христианства».

Религиозно-философское общество (РФО) в Петербурге было организовано весной 1907 г. по примеру Московского. Образование РФО явилось следствием не разрешивших своих задач Религиозно-философских собраний, проходивших в Петербурге в 1901–1903 гг. Тогда, в начале XX в., страна искала новых путей дальнейшего развития. Одним из важнейших звеньев социальной жизни, подвергавшихся критике со всех сторон, оказались самодержавие и Православная церковь. В Религиозно-философских собраниях принимал участие весь цвет русской интеллигенции той поры. Достаточно назвать лишь такие имена, как Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфoв и В. В. Розанов, А. В. Карташов и В. А. Тернавцев, к которым присоединились А. Н. Бенуа, Н. Бердяев, А. Ремизов, Л. Бакст, К. Сомов, С. Дягилев, Вяч. Иванов и многие другие. Причем участниками собраний были не только люди православного вероисповедания. Как вспоминал А. Н. Бенуа, «были евреи (Минский и Бакст), один определенно «жидовствующий» — В. В. Розанов» [2, с. 289], сам же Бенуа был католиком.

Во вступительной речи к первому заседанию Религиозно-философских собраний, произнесенной Преосвященным Сергием, епископом Ямбургским, сразу же было заявлено: «Нам нужен путь к единству, чтобы этим единством нам потом вместе жить и вместе работать на общерусскую пользу» [7, с. 4]. А в открывающем собрания докладе чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода «светский богослов» В. А. Тернавцев с первых же слов определил их проблематику:

Внутреннее положение России в настоящее время представляется сложным и, по-видимому, безвыходным. Все чувствуют это. Полная неразрешимых противоречий как в просвещении, так и в государственном устройстве своем, она заставляет крепко задумываться над своею судьбой [7, с. 5].

Особенно сильное противостояние, по мнению Тернавцева, существует между Церковью и интеллигенцией. «Представители Церкви... свои священные упования ограничивают загробным миром... Интеллигенция, напротив, отдалась одному только земному идеалу» [7, с. 9], — заостряет он свою позицию, игнорируя при этом важный церковный тезис «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22: 32). Как бы там ни было, но у интеллигенции сложилось такое впечатление, будто в ней «потенциально скрыт особый тип благочестия и служения», что, по всей видимости, и позволяет ей быть «неверующей» [7, с. 9].

Все это происходило именно в то время, когда рождался великий тезис «Человек — это звучит гордо!» Тезис по тем временам вполне революционный и атеистический и, как ни странно, чрезвычайно близкий интеллигенции, но на самом деле берущий свой исток из первых дней творения, когда сказал Бог: «сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). Именно исходя из того, что человек сотворен по образу Божию, он и мо-

жет претендовать на почетное место среди земных существ. Но при этом было забыто, что он должен еще стать подобным Богу. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5: 48). В противном случае человек ничем не лучше всей прочей твари земной, которая «с нетерпением ожидает откровения сыновей Божиих» (Рим. 8: 19).

Тернавцев отмечает:

Теперь в сознании многих людей интеллигенции брежит новое предчувствие: для того, чтобы плодотворно служить народу, любить человечество, нужно прежде познать, поклониться, полюбить что-то большее, чем этот народ и это человечество. Но как? Где? Пока не ясно; и в этой неясности причина великого томления [7, с. 17].

В этих условиях, продолжает Тернавцев, «для всего христианства наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал» [7, с. 19].

Доклад чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода вызвал живую реакцию, и прения по докладу затянулись, по свидетельству В. В. Розанова, «до 12 часов ночи» [7, с. 501]. Первый же участник полемики, профессор В. В. Успенский, несмотря на свое крайне уважительное отношение к Православной церкви, еще более заострил высказанный Тернавцевым тезис, заявив о представителях Церкви следующее: «...они даже не осознают, что культура есть антихристианство» [7, с. 21]. Тернавцев вскоре практически поддержал его, сказав, что для культурных людей скорее возможен поворот к мистицизму и теософии, чем к Церкви [7, с. 25]. Именно это и произошло с К. Д. Кудрявцевым, который, судя по его собственным словам самого, в этом заседании еще не участвовал, подключившись к Собраниям лишь с 1902 г.

Председательствующий на Собраниях епископ Сергей, впоследствии ставший Патриархом, с горечью заметил: «Интеллигенция не доверяет искренности духовенства» [7, с. 26]. Вопрос неизбежно перешел к рассмотрению личности Льва Толстого. На третьем заседании, проходившем 3 января (!) 1902 г., Д. С. Мережковский сделал доклад на тему «Лев Толстой и русская церковь». И в этой пламенной речи Дмитрий Сергеевич высказал, наконец, sacramентальную мысль о том, что бунт Л. Толстого против церкви «неразрывно связан с бунтом против государства». А потому «обостряется до последней остроты своей не решенный, а лишь отсроченный Петром I вопрос об отношении Самодержавия к Православию» [7, с. 58].

Обсуждение доклада затянулось и было продолжено на следующем заседании 17 января. Далее любопытно привести свидетельство Зинаиды Гиппиус.

Сумбур получился немалый. Одни хотели говорить о Синоде, другие о Толстом, третьи о «церковном параличе», четвертые об отношении русской церкви к государству... Председателю стоило громадного труда разделить вопросы и отложить последний (о самодержавии и русской церкви) на следующие, пятое и шестое заседания... они в стенографические отчеты не попали; боюсь говорить о них по памяти; знаю лишь, что были они, кажется, самыми острыми из всех, кроме двух последних [имеются в виду 21-е и 22-е заседания, проходившие 13 марта и 19 апреля 1903 г., последнее уже после запрещения собраний], перед

запрещением — второго о догмате и первого о «священстве» (тоже не напечатанных нигде) [4, с. 78].

Сохранившиеся свидетельства о первых собраниях января-февраля 1902 г. обобщил историк Ю. В. Прокопчук. В своей диссертации «Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов и русское общество» он пишет следующее:

Сведения о тематике 5-го и 6-го заседаний можно почерпнуть, обратившись к «Хронике» «Нового времени». В заметке от 2-го февраля 1902 года сообщалось, что на пятом РФС был прочитан доклад В. В. Розанова: «О памяти смертной, как основном мотиве церкви, и о материализации благодати священства, как глубоких причинах расхождения интеллигенции и церкви». Далее перечислялись лица, принявшие участие в прениях. [В № 2 «Нового пути» за 1904 г. было помещено объявление: «по независящим от редакции обстоятельствам печатание Записок Религиозно-Философских Собраний приостанавливается» (с. 287) Причиной прекращения публикаций «Записок» был цензурный запрет. В изданных книгах «Нового пути» список участников не приводится.] Об этом же докладе Розанова — запись в дневнике А. Н. Бенуа от 24 января 1902 г.: «Минский читал приготовленный к будущему заседанию реферат Розанова, в сущности клонящийся к полному отрицанию Христа и христианства как религии отвлеченной, а потому пустой. Мережковский прямо называет Розанова атеистом». 31 января Бенуа сделал запись о ходе дискуссий по докладу Розанова. «Мережковский свел вопрос к плоти, к тому, что до сих пор христианство понималось только духовно. В этом месте полная сбитость. Разговор съехал на пессимизм и оптимизм христианства. Мережковский снова его поставил на плоть и на историю. Но, разумеется, это не отвечает внутреннему смыслу слов Розанова, которые не только восстают против исторического выражения христианства, но и против самой сути, против презрения жизни и торжества черного, монашеского единственного якобы святого начала в Церкви». Более подробным было сообщение в «Новом времени» о шестом заседании, посвященном «обсуждению второй половины читанного в пятом собрании доклада В. В. Розанова, именно — о священстве и благодати. В прениях, тянувшихся с 8 до 12 ч., стороны главным образом старались выяснить: 1) отношение природного человека, как он есть и создан, в натуральных способностях своих, к тому же человеку после принятия благодати священства; 2) как именно передается эта благодать и зависит ли она от качеств и сил воспринимающего, или может быть дана безразлично всякому; 3) передача эта имеет ли в себе нравственно-органический момент, или она, будучи механична и завися только от слов и механических жестов, носит до некоторой степени оттенок магический; 4) имеет ли человек в природных способностях своих силу к прямому, не через священника, общению с Христом» [13].

Подтверждают эту информацию и слова К. Д. Кудрявцева (см. далее), по всей видимости, именно с этого момента присоединившегося к заседаниям философско-религиозных собраний в Петербурге. Острота обсуждавшихся на 5-м и 6-м собраниях вопросов оказалась настолько болезненной для жизни России тех лет, что публикация их стенограмм была запрещена цензурой. Государство проявило явное нежелание вскрывать свои главные проблемы, и в результате через год указом К. П. Победоносцева от 5 апреля 1903 г.

религиозно-философские собрания были и вообще закрыты. Как вспоминал впоследствии один из их участников, А. Н. Бенуа,

сначала (пожалуй, весь первый год) эти собрания на Театральной улице, возбуждавшие сразу общественный интерес, были очень «содержательны», и за этот период они получили для многих участников большое значение. Однако с течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями [2, с. 290].

И все это в дополнение к тому тупику, к которому они фактически вели. Тупик этот разразился революцией 1905 г. А такой человек, как К. Д. Кудрявцев, отправился искать истину в другие инстанции, а именно, в полном соответствии с предсказанием Тернавцева, обратился к теософии.

В словаре псевдонимов русских писателей Константин Дмитриевич Кудрявцев упоминается как «автор работ по теософии» [10, с. 259], писавший под псевдонимом Мирянин. (Любопытно, что псевдонимом Мирянин подписал «Миссионерское Обозрение» (1910, июль-август) оппонент Кудрявцева по религиозно-философским собраниям Василий Васильевич Розанов.) Под этим псевдонимом известна только одна его книга — «Нищие духом», где Константин Дмитриевич истолковывает это евангельское понятие. Он пишет: «Чем больше в сознании своем ты отрешись от самого себя в сознании своего ничтожества, и признаешь себя духовно нищим перед духовным Отцом своим, — тем больше ты приблизишься к знанию блаженства» [11, с. 14–15]. Для этого не нужно «немедленно отрешиться от своего достатка», ибо Христос говорит: «Милости хочу, а не жертвы». «В развитии физическом, как и в духовном скачков не бывает, все идет своим строгим чередом... и каждая добродетель только тогда будет усвоена, когда она явится плодом сознательного... добровольного подчинения воле Божьей» [11, с. 12].

Сегодня К. Д. Кудрявцев наиболее известен именно как теософ, несмотря не только на то, что первая его книга не теософична, но и на то что, как мы увидим далее, против теософии направлены и его остальные книги. Но мысль его развивается последовательно. Олег Анатольевич Платонов в книге «Криминальная история масонства 1731–2004 года», ссылаясь на журнал «Русское Знамя» № 14 за декабрь 1908 г., пишет:

Открытие Теософического общества в Петербурге в ноябре 1908 г. собрало «сливки» общества — графини Голенищевы-Кутузовы, А. А. Шидловская, Сабурова, Родзишевская, Танеевы, Т. О. Соколовская, граф Клейнмихель, И. Панина, княжна Ливен, М. И. Доможирова, О. И. Мусина-Пушкина, графиня Муравьева, супруги Чебышевы, братья Стенбок-Фермор, Икскуль-фон-Гильденбант, отставной полковник А. С. Родэ, Н. С. Таганцев, К. Д. Кудрявцев, И. В. Мещанинов, К. Ф. Неслуховский, Н. А. Рейтлингер, Д. М. Левшин, князь П. С. Оболенский, Э. В. Ропс, Ф. А. Геллорд, Я. Г. Турпейнен, И. Н. Турчанинов, граф А. Ф. Гендриков, князь М. Андронников, В. Э. Смит, П. Е. Обозненко. Председательницей общества стала А. А. Каменская, в своем первом докладе провозгласившая под дружные аплодисменты присутствующих: «Близка заря, при свете которой на русской почве, убранный нашими руками, встретятся и облобызаются все народы! Будем же

торопить это время и постараемся, чтобы в русском всенародном слиянии потонули всякие национальные клички и все вероисповедные особенности. Дружба всех народов — вот наша религия и наш лозунг» [12, с. 74].

Как видим, здесь Кудрявцев уже находится в ряду весьма почитаемых особ. Немного предыстории. Анна Алексеевна Каменская (1867–1952) вместе со своей школьной подругой Н. К. Гернет в 1902 г. отправилась в Лондон слушать лекции небезызвестной Анни Безант. Быстро превратившись в страстную ее почитательницу, Каменская стала членом первого теософического кружка в Петербурге, созданного 2 ноября (ст. ст.) 1902 г. Марией Александровной фон Штраух-Шпеттини, после смерти которой в 1904 г. этот кружок объединился с русским теософическим кружком, основанным самой Каменской в Петербурге. Этот кружок носил в память М. Штраух ее имя, впрочем, порой его называли кружком Гипатии. Каменская постоянно переписывалась с секретарем Немецкого отделения Теософического общества М. Я. Сиверс, состояла членом эзотерической школы Теософического общества Рудольфа Штайнера. С момента основания Российского теософического общества (17 ноября 1908 г.) — она бессменный председатель Общества и редактор его журнала «Вестник теософии» (печаталась под псевдонимом Alba). Именно в этом статусе Каменская и выступала на Религиозно-философском собрании в конце 1909 г., где председательствовал К. Д. Кудрявцев.

Вот что говорится об этом заседании в Предисловии к изданию материалов собраний:

На фоне неоднократных докладов и выступлений Мережковского и Философова было дано слово и представителям разных религиозно-философских взглядов. 24 ноября 1909 г. состоялось заседание с докладом А. А. Каменской «Теософия и богостроительство», в котором была предпринята попытка популярно изложить и пропагандировать теософское учение. По убеждению Каменской, теософия есть «вселенский научно-религиозный синтез», примиряющий все религии и содержащий в себе их позитивные элементы. Однако попытка обоснованно и последовательно представить теософию широкой публике не удалась: разрушительной критике теософию подвергли Вяч. И. Иванов, Д. С. Мережковский и др. После того как Вяч. Иванов обосновал, почему он как христианин не может быть членом теософского общества, а Мережковский прямо назвал теософов «ложной церковью», общий итог заседания был предreshен. Несмотря на то что председательствующий на заседании теософ К. Д. Кудрявцев старался дипломатично вести дискуссию и произнес примирительную речь в заключение, неприемлемость теософии для РФО и его руководителей явилась очевидной [14, т. 1, с. 18–19].

Приведу здесь фрагмент речи Константина Дмитриевича, произнесенную им в первом часу утра фактически уже 7 декабря (н. ст.) 1909 г. (заседание проходило по старому стилю 24 ноября 1909 г., но затянулось до полуночи).

Господа, прежде чем перейти к резюме речей в сегодняшнем заседании, позвольте мне сказать несколько слов от себя и объяснить, почему я примкнул <к> теософическому движению. С 1902 года я посещаю собрания Религиозно-философского общества. Чтобы не останавливаться на всех деталях, напомним

несколько первых собраний. Вспомните доклад В. В. Розанова о благодати священства. [В издании стенограмм Собраний в этом месте сделана сноска, смысл которой заключается в обвинении К. Д. «Доклада под таким названием В. В. Розанов не делал» (см.: [14, т. 2, с. 538]. Однако выше мы видели, что такой доклад был прочитан Минским (Розанов сам не решался выступать) на пятом собрании, состоявшемся 31 января 1902 г. (практически в самом начале участия К. Д. Кудрявцева в Собраниях) и обсуждалось на шестом Собрании 14 февраля 1902 г. Материалы этих двух Собраний не были допущены к публикации и о них имеются лишь косвенные свидетельства (см. выше). Здесь, по всей видимости, содержится еще одно.] Два-три вечера велась жаркая беседа, жаркий спор, и в конце концов вопрос остался не выясненным. Вспомните доклад о свободе совести: после двух вечеров, посвященных обсуждению этого вопроса [Имеются в виду седьмое и восьмое Собрания, проходившие 7 и 21 марта 1902 г.], представители духовенства признали, что где Христос, там и свобода, но что Церковь сама не свободна [Еще один пункт, обозначающий тупик.]. На этом вопрос остановился. Вспомните доклад о браке и спор о том, что выше — брак или безбрачие? Спор кончился тем, что председательствовавший — лицо духовного сана — сказал, что аргументы интеллигенции настолько убедительно доказывают, что брак выше безбрачия, что он ничего не имеет возразить, но так как в Священном Писании содержится прямое указание, что безбрачие выше, то он на этой точке зрения и остается [Здесь уже тупик, как невозможность ни о чем договориться, обозначился окончательно. Слова епископа Сергия, сказанные им в конце 16-го заседания, не были зафиксированы. Но позиция его была точно такова, т. к. в завершение 15-го заседания он вполне однозначно сказал: «говорят, что христианство, собственно говоря, отнюдь не считает девство выше брака, говорят так доказательно, что, пожалуй, прямых возражений и нет. И все-таки от этих разговоров у меня остается впечатление, как будто очень искусный математик доказал, что дважды два равняется пяти [7, с. 304]. И немногим далее: «Конечно же, девство считается в истории выше брака» [7, с. 305]. Эта же мысль сквозила и во вступительном докладе к теме, прочитанном иеромонахом Михаилом на 12-м заседании (см.: [7, с. 221].); и тогда не безызвестный вам В. М. Скворцов сделал небезынтересное и грустное для меня признание. Он сказал, что все эти вопросы, которые волнуют нас сейчас и которые мы не можем разрешить, в первые века христианства даже не возникали; никакого недоразумения, никакого спора они не возбуждали; теперь же эти споры происходят потому, что ключ к пониманию этих истин нами утерян. [Теме «О браке» были посвящены пять собраний (12–16). Эти слова В. М. Скворцов сказал уже в конце 17-го Собрания 9 января 1903 г., посвященного догматическому развитию.] Это горькое признание. Когда я шел на собеседование, я ожидал все, что угодно, я ожидал, что нам скажут: вы еще не можете понять: вы еще не выросли. Но когда вам говорят: «ключ утерян», тогда остается пойти и поискать, где же находится этот ключ. И я вступил на путь поисков; я искал ответа у старчества, думая, что там найду ключ. Поиски остались безрезультатны. Был я на Валааме; тишины я там не нашел; и вот на пути моем встретилась теософия, которая внесла мир во все те «проклятые» вопросы, которые на протяжении нескольких лет оставались неразрешенными. Мне открылась возможность более ясного, более глубокого понимания христианства. <...> Г-н Жаков сегодня говорил, что теософы должны доказать бытие Бога, доказать бытие души. Доказать этого нельзя. Всякая религия, как и всякая наука, зиждется на опыте; нужно вспомнить этот забытый путь опытного богопознания, и тогда вам не придется говорить о богоискании, потому что вы всем своим существом опытно узнаете, что Христос был, есть

и будет; и когда это будет достигнуто, то вера будет построена на твердом камне, и вы неизбежно вступите на путь активного служения в жизни, вступите на путь того делания, об отсутствии которого в теософии упрекали сегодня теософов <...> как правильно сказал Достоевский «воистину, всякий пред всеми за всех и за все виноват». Вот эта нить единства очень ярко и выпукло проходит и звучит через все учение теософии, понимаемой не в смысле Церкви, а в смысле восстановления забытого христианского гнозиса, того гнозиса, который претворяет мертвую букву в дух и жизнь. <...>

(Рукоплескания)

Объявляю заседание закрытым [14, т. 2, с. 71–76].

Из дневника С. П. Каблукова, участвовавшего в этом заседании:

Среда 25-го ноября. Вчерашнее наше заседание было «из рук вон плохо» для Российск. теософического об-ва. На бездарный реферат Анны Алексеевны Каменской возражали весьма убедительно, подробно и сильно Вяч. Иванов и Д. С. Мережковский. Им отвечала теософка г-жа Писарева (Елена Федоровна Писарева (1853–1944) переводчик и писатель, была председателем Калужского теософического общества и вице-президентом теософического общества России. Николай Васильевич Писарев, супруг Елены Фёдоровны, был организатором первого в России теософского издательства «Лотос» в Калуге, книги печатались во флигеле его собственного дома. В Калуге были опубликованы ряд статей Елены Фёдоровны, а также книги: «Закон причин и следствий» (1911), «Человек, его видимый и невидимый состав» (1912), «Сила мысли и мыслеобразы» (1912), «Перевоплощение» (1913). Писарева также перевела на русский язык книги британской теософки Мэйбл Коллинз «Свет на пути» (1905), «Голос Безмолвия» (1912), была участником международных теософских конгрессов. — В. Р.), которую Д. С. охарактеризовал «божьей коровкой, оседланной дьяволом». Она не поняла возражений обоих своих оппонентов и приписала им много такого, чего они и не то что не говорили, а даже и не помышляли. <...> Председательствовавший, тоже теософ, К. Д. Кудрявцев в своем «резюме» взял под защиту теософию и, ссылаясь на пример личной жизни, указал, что в теософии нашел некоторое пристанище для ищущего ума своего. Заседание окончилось в 12½ ч., при полном зале. Теософок набралось видимо-невидимо... Не потому ли, что теософия есть какая-то глупая и нелепая бабья чепуха? Да еще она, по моему предчувствию и утверждению Иванова, оказывается в некоторых разветвлениях своих явно враждебной христианству [5, с. 293].

Любопытно и следующее замечание, содержащееся в Предисловии к Материалам собраний религиозно-философского общества:

Лидеры групп, тяготеющие к разным полюсам, силой своего авторитета перетягивали на свою сторону других членов Общества, в результате чего оно все больше раскалывалось на отдельные фракции. К примеру, секретарь Общества С. П. Каблуков, выбрав сторону Мережковских, предлагал исключить Розанова уже 9 ноября 1911 г. на заседании Совета Религиозно-философского общества... [14, т. 1, с. 10]

Уход Розанова из Общества не прошел бесследно. Совет РФО покинули Александра Чеботаревская, П. Б. Струве, С. Л. Франк, из Общества вышли Ар-

кадий и Георгий Горфель, Александр Михайлович Коноплянцев (Коноплянцев исследователь творчества Леонтьева), теософ Константин Дмитриевич Кудрявцев, позднее из Общества, но видимо в связи с этим делом вышел и Сергей Алексеевич Аскольдов, один из основателей этого Общества. Кроме этого вышел литературный критик и писатель Скалдин Алексей Дмитриевич [6].

Вслед за этим разошелся К. Д. Кудрявцев и с теософами. Вот как преподносит это дьякон Кураев:

В секте есть система посвящений, при которой человеку, впервые соприкоснувшись с данной общиной, внушается нечто весьма отличное от того, что будет ему открыто после того, как он всецело погрузится в ее жизнь. При знакомстве человеку говорится одно («да что Вы, мы те же православные!»), а позднее ему раскрывается нечто совершенно иное. Есть набор рекламных цитат и деклараций, а есть нечто более «эзотерическое», к принятию чего и надо привести человека, когда он наконец перестанет цепляться за христианские предрассудки. Это обычный принцип рекламы оккультной чернухи, которая пытается притвориться радугой: дескать, я все вмещаю, я всего глубже, во мне есть место для всех красок... Здесь нельзя не согласиться с суждением К. Кудрявцева, человека, бывшего одним из основателей Российского теософского Общества, вскоре порвавшего с этим движением: «В аптеке все медикаменты должны находиться каждый на своем месте и под своим наименованием. Иначе, думая, что принимаешь бром (братство религий), можешь принять яд (антихристианство)» [9, с. 68].

Эта тактика «маскировки» была избрана теософами уже в самом начале их деятельности в Европе. «Когда в 1884 г. Блаватская, Олкотт и Могини поехали или посланы были в Европу, — вспоминает о годах своей дружбы с Блаватской Вс. С. Соловьев, — они явились с хитростью, объявили свое общество чисто ученым, занимающимся лишь разработкой «восточных знаний» и не только не касающимся, но и глубоко уважающим верования своих членов, к каким бы религиям они ни принадлежали. Они печатно, в своем уставе объявили это. Но теософическое общество возмутительно обмануло тех людей, которые записались его членами, доверившись уставу. Мало-помалу выяснилось, что это вовсе не всемирное ученое братство, принадлежать к которому, с чистой совестью, могут последователи различных религий, а прямо группа людей, начавшая провозглашать, в своем органе «Теософист» и других своих изданиях, смешанную религиозную доктрину. Наконец, и эта доктрина, в последние годы жизни Блаватской, уступила место прямой и открытой пропаганде самого правоверного эзотерического буддизма с провозглашением «наш Господь Будда» и с постоянными нападками на христианство». Чуть позднее тот же самый обман в деятельности Теософского общества в России обнаружил К. Д. Кудрявцев. Поверив, что теософское движение является научно-философским и христианским, он начал сотрудничать с ним и даже стал секретарем Петроградского Теософического Общества. Наблюдение изнутри за образом деятельности Общества привело его к выводу, что, вопреки своим рекламным заверениям, на деле оно оказалось «замаскированным религиозным антихристовым движением, принадлежать к которому с чистой совестью можно лишь по неведению или заблуждению» [9, с. 104].

Здесь следует предельно заострить этот вопрос. Дело в том, что Кудрявцев разорвал свои отношения не только с теософическим движением, но и непосредственно с А. А. Каменской и ее дальнейшей деятельностью. Это произошло в 1911 г. после возникновения «Ордена Звезды востока». После учреждения этого Ордена сама Каменская заняла нетерпимую позицию в отношении теософов, его не поддержавших. В первом Предисловии к своей разоблачительной книге «Что такое теософия», которая открывается девизом «Всем ищущим и утерявшим пути», Кудрявцев пишет:

Три года тому назад я участвовал, в качестве учредителя, в легализации Российского Теософического Общества. Общество это представлялось мне имеющим целью подвести научные основания под расшатанные устои веры, и в этом смысле были сделаны представления властям, от которых зависело утверждение устава Общества. В настоящее время я убедился, что Теософическое Общество является не научным обществом, а внешним органом «Всемирного Братства» и, — уяснив себе это, я вышел из состава названного Общества [8, с. 5].

Разоблачая теософов, Кудрявцев пишет:

Вера в искупительную жертву Иисуса Христа и надежда на Бога заменяются в Теософии надеждою на самого себя, — и в этом коренное отличие Теософии от христианства, сводящее Теософию на ступень учения люциферианского. В каждом человеке, по учению Теософии, есть Божественное начало (Христос в нас) и начало люциферическое (падшая София) [8, с. 72].

Но этого мало. Указывая на то, что 1 января 1911 г. в Петербурге был создан масонский «Орден Звезды Востока» [8, с. 15], Кудрявцев ссылается на доказанность «вины» масонов в устройстве «Великой Французской революции». В примечании он пишет:

На масонском конгрессе в Вильгельмсбаде в 1785 г. обсуждались вопросы об отношении масонов к Богу, к религии, к человечеству и т. д., — и на том же конгрессе «посвященными» масонами был выработан план французской революции. «France d'hier et France de deman» 1911 г., № 25) [8, с. 21].

Таким образом, пишет Кудрявцев далее:

«Орден Звезды Востока» не безобидная группировка «всех ожидающих пришествия Учителя», а организация, выдвигающая ряд политических и социальных задач и стремящаяся влиять на ход исторических событий [8, с. 101].

Соответственно, возможно, совсем не «по ошибке» был застрелен человек, писавший: «современные масоны... во имя торжества проводимых ими принципов, убивают тех, кто противится их плану переустройства Вселенной или выдает тайны их организации» [8, с. 100]. Во всяком случае совершенно некорректно сегодня называть теософом человека, который принадлежал к этой организации всего три года из своей полувековой жизни и затем категорически разорвал с ней отношения и написал две разоблачительные книги: «Что такое теософия» (СПб., 1912) и «Что такое теософия и теософическое общество» (СПб., 1914). О дальнейшей деятельности этого человека известно совсем мало.

Другой аспект личности К. Д. Кудрявцева раскрывают такие его книги, как «Магнетизм и гипнотизм, их сходства и различие» (СПб., 1911); «Целительная жизненная сила» (СПб., 1913); «Животный магнетизм как лечебное средство» (СПб., 1913). Эти издания свидетельствуют о месмеринских способностях Константина Дмитриевича. Подтверждается это и свидетельским показанием педагога Елены Алексеевны Эрих, данным ей на допросе по Делу ленинградских масонов 16 апреля 1926 г. «В магнетическое лечение верю. Лет семь тому назад лечилась у Кудрявцева Константина Дмитриевича (ныне умершего). У него ежедневно лечилось до тридцати человек» [16, с. 125]. Е. А. Эрих с 1917 по 1919 г., т. е. как раз в то время, когда она лечилась у Кудрявцева, работала в Комиссариате иностранных дел, что само по себе свидетельствует о достаточно высоком уровне известности К. Д. Кудрявцева. Однако более интересным в этой связи является то, что она была дочерью врача.

В. И. Сафонов в книге «Нить Ариадны» пишет:

Из отечественных авторов (магнетизеров-практиков) следует назвать Константина Кудрявцева. Ко мне в руки попала его книга в 160 страниц, подытоживающая результаты двенадцатилетних наблюдений автора. В ней дается серьезный исторический обзор, рассматриваются различия между гипнотизмом и магнетизмом, а также иные таинственные явления психики человека. Кроме этой книги мне посчастливилось познакомиться с его докладом, прочитанным в Русском спиритуалистическом обществе в предреволюционные годы. В нем в сжатой форме приводится то, что изложено в книге «Излучения человеческого тела и применение их к лечению болезней». Так же назван и доклад (доклад был сделан К. Д. Кудрявцевым 21 сент. 1911 г. в зале «Гармония» в Одессе. Об этом см. также: Смоленский Илья Леонидович: РГИА ф. 1057. — В. Р.) [15, с. 54].

Чрезвычайно интересно также знакомство и близкое общение Константина Дмитриевича с буквально боготворившей его известной детской писательницей Маргаритой Владимировной Ямшиковой (Ал. Алтаев, 1872–1959). Маргарита родилась в семье В. Д. Рокотова, бывшего предводителя дворянства Великолукского уезда Псковской губернии, и А. Н. Толстой. Крестным отцом Маргариты был художник Александр Алексеевич Агин. Вот что мы можем найти в недавно вышедшей книге воспоминаний Маргариты Владимировны «Гдовщина»:

Зимой, благодаря усиленной работе и ряду тяжелых событий я страдала бессонницами и даже навязчивой идеей. Мне пришлось обратиться к известному психиатру, лечившему когда-то Глеба Успенского, к Борису Наумовичу Синани. Он, хотя и помог мне гипнозом, но я начала серьезно тяготиться своей зависимостью от воли лечащего меня врача. Конец этому неприятному, болезненному сознанию — своей, якобы, «обезволенности» положил совет человека, которого мы с дочерью будем чтить до конца наших дней — Константина Дмитриевича Кудрявцева, секретаря Городской думы Петербурга, человека высочайшей духовной высоты [1, с. 193].

Здесь речь идет о зиме 1912 г., в которую, по всей видимости, и состоялось их знакомство. Эта цитата вновь свидетельствует о весьма явных магнетизерских талантах Константина Дмитриевича или просто — КД, как впоследствии

будет именовать его в своих дневниках М. В. Ямщикова. К сожалению, никаких более подробных свидетельств о КД в записках Маргариты Владимировны не сохранилось. Известно только еще одно ее конкретное высказывание: «КД был застрелен в 19 году по ошибке». Это свидетельство весьма многозначительное. Но усомниться в том, что в 1919 г. он был застрелен по ошибке позволяет, кроме высказанного выше, еще и весьма независимый характер Кудрявцева, скептически относившегося к лозунгу «Свобода, равенство, братство» и писавшего в уже неоднократно цитированной здесь книге:

Если Теософическое движение А. Безант не масонство, то во всяком случае движение, параллельное ему, текущее из одного и того же источника (только под другим наименованием) для достижения тех же целей: ослабления основ религиозности и государственности во имя фикции «свободы, равенства и братства»! [8, с. 43]

И затем в примечании:

В природе нет свободы (все закономерно), не может быть и равенства. Свобода совести приводит к отрицанию духовной дисциплины. Каждый верит по своему и все идет вразброд. Одни проповедуют, что для народа нужна не религия, а наука; другие утверждают, что все религии хороши, третьи проповедуют, что никто не должен касаться религиозных убеждений, что веротерпимость есть ореол высшей добродетели. На самом деле это не так. Веротерпимость не есть признание равноценности всех религий. По самому словопроизводству, веротерпимость есть только терпение со стороны христиан. Мы должны узнать свою веру, изучать ее, распространять ее, а затем уже снисходительно относиться к тем, которые ее не знают [8, с. 43].

Судя по всему вышеизложенному, Константин Дмитриевич был весьма активной и талантливой личностью, и жизнь его трагически оборвалась в самом расцвете. А также ясно, что он стремился к пониманию религиозных истин «с чистой совестью», под лозунгом «Правда есть преддверие Неба», написанном им на фотографии, подаренной Маргарите, вероятно, незадолго до смерти (фотография хранится в фонде Ал. Алтаева (М. В. Ямщиковой) 1370 (РГАЛИ). Публикуется впервые, благодаря любезному согласию директора музея Ал. Алтаева Т. Н. Степановой). Поэтому хотелось бы сегодня отдать наш долг памяти этому человеку.

В интернете удалось обнаружить родословную, которая наиболее адекватна этой личности. Сын Дмитрия Ростиславовича Кудрявцева (1837–1905), родился 10 декабря 1869 г. Матерью его была Зинаида Дмитриевна Гончарова (Воейкова). Согласно этой родословной у Константина Дмитриевича был брат Федор, а также две родных сестры — Варвара и Александра. О Варваре сохранилась запись в списках эвакуированных во время блокады из Ленинграда в 1942 г.: «Кудрявцева Варвара Дмитриевна 1892 05/07/ В. О. 6-я Линия дом 49 кв. 7».

Судя по этой родословной отец Константина Дмитриевича также достаточно известен:

Кудрявцев Дмитрий Ростиславович (II п. XIX в. — 1905), дворянин, благотворитель. Субсидировал сельскохозяйственный приют для бездомных детей

Общества Трудовой помощи, открытого в 1900 (200 руб. ежемесячно). Выделил средства на постройку нового здания. По завещанию, после смерти оставил 100 000 руб. приюту и 50 000 руб. дневному убежищу для детей рабочих. Член Николаевского отделения Русского общества охранения народного здоровья, открытого в 1895 (Лит.: ГАНУ, ф. 448, оп. 1, д. 9; Адрес-календарь и справочная книга г. Николаева на 1900 г. Николаев: Изд. П. А. Ковалева, 1899; Южная Россия, 1905, № 10 от 12 янв.; № 226).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтаев Ал. Гдовщина. Забытый угол. — СПб.: Изд-во РХГА, 2020.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. — М.: Наука, 1993.
3. Вестник теософии. — 1910. — № 2. — С. 62–101.
4. Гиппиус З. Н. Воспоминания о религиозно-философских собраниях // Наше наследие. — 1990. № 4.
5. Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / вступит. статья, публикация и комментарии Е. М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. — М.: 2012. — № 31. — С. 178–343.
6. Ермичев А. А. «Санкт-Петербургское религиозно-философское общество (1907–1917 гг.). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Записки Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903. — М.: Республика, 1905.
8. Кудрявцев К. Д. Что такое теософия и теософическое общество. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 1914.
9. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции // Азбука веры. — URL: <https://azbyka.ru/satanizm-dlja-intelligentsii-o-rerihah-i-pravoslavii> (дата обращения: 03.02.2021).
10. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. — М., 1960. — Т. 4.
11. Мирянин. Нищие духом. — СПб., 1902.
12. Платонов О. А. Криминальная история масонства 1731–2004. — М.: Алгоритм, 2005.
13. Прокопчук Ю. В. Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов и русское общество: дис. канд. ... ист. наук. URL: <https://www.disscat.com/content/religiozno-filosofskie-sobraniya-1901-1903-godov-i-russkoe-obshchestvo> (дата обращения: 03.02.2021).
14. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: в 3 т. — М.: Русский путь, 2009.
15. Сафонов В. И. Нить Ариадны. — М.: Физкультура и спорт, 1990.
16. Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. — М.: Минувшее, 2005.